Ребенок Бриджит Джонс. Дневники

Автор:
Хелен Филдинг

Ребенок Бриджит Джонс. Дневники

Хелен Филдинг

Бриджит Джонс #4

Стоило Бриджит Джонс заподозрить, что она растеряла всю свою привлекательность и теперь уж точно не выйдет замуж, как на ее голову посыпались пикантные приключения.

На крестинах у друзей она встречает своего бывшего жениха Марка Дарси и, на радостях перебрав с выпивкой, проводит с ним ночь. Увы, Марк не сразу понимает, что жаждет вернуться к Бриджит, а пока он размышляет, судьба сводит ее с еще одним бывшим – Дэниелом Кливером.

Вскоре – какая радость! – Бриджит узнает, что беременна. Марк и Дэниел вступают в борьбу за гордое звание папы.

Но кто же на самом деле отец ребенка? Мисс Джонс начинает расследование!

Хелен Филдинг

Ребенок Бриджит Джонс. Дневники

Посвящается Кевину, Дэшу и Роми

Helen Fielding

BRIDGET JONES' BABY: THE DIARIES

Copyright © Helen Fielding, 2016. This edition is published by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского Ю. Фокиной

Художественное оформление П. Петрова

Вступление

Мой дорогой Билли!

Есть у меня предчувствие, что ты так или иначе обо всем узнаешь, и вот я подумала: лучше от родной мамы, чем от посторонних.

Перед тобой выдержки из моего тогдашнего дневника плюс несколько фактов о том весьма сумбурном периоде.

Не суди строго. Надеюсь, к моменту прочтения ты достаточно повзрослеешь и поймешь: твои родители тоже чудили, как и все люди. Тем более я всегда была немного эксцентричной.

Я к чему веду? Представление человека о себе здорово отличается от истинного положения вещей; точно так же и планы каждого из нас на жизнь отнюдь не совпадают с планами судьбы.

Тут главное – сохранять спокойствие и присутствие духа, и тогда наверняка все уладится само собой. В моем случае, по крайней мере, все стало супер. Потому что ты – лучшее, что со мной случилось.

Прости за эту записку и за остальное.

С любовью,

Твоя мама

(Бриджит)

Глава первая

Многомерное знамение

Суббота, 24 июня Полдень.

Лондон. Моя квартира.

Боже. Боже. Катастрофически опаздываю, плюс похмелье, и вообще все кувырком. О нет, только не это! Телефон!

– Привет, дорогая, угадай, почему я звоню?

Мама.

– Представь, мы были у Мейвис Эндербери на караоке, которое она совмещает с ранним ланчем, и угадай, что произошло. Джули Эндербери только что…

Я почти услышала визг тормозов – будто мама собиралась бросить «жиртрест» в лицо патологически тучному человеку.

– Что – только что?

Вышло не очень внятно – я как раз дожевывала остатки козьего сыра вместе с половинкой протеинового батончика, чтобы облегчить похмельный синдром, и

параллельно перетряхивала ворох платьев на постели в поисках чего-нибудь подходящего для крестин.

– Так, пустяки, дорогая, – интриговала мама.

– Что натворила Джули Эндербери? – Я рыгнула. – Грудь с пятого размера до шестого увеличила? Или сделала бразильскую эпиляцию?

– Нет, конечно, дорогая! Джули Эндербери только что третьего родила, но я не поэтому звоню. Я звоню, потому что…

Р-р-р-р! Мама неисправима. Думает, я исключительно из упрямства занимаюсь карьерой, вместо того чтобы рожать.

– Сама начала и сама же тему закрыла!

Я защелкала пультом в бессмысленной надежде отыскать спасение в телевизоре. Наткнулась на рекламу с анорексичной несовершеннолетней моделью и карапузом, разматывающим рулон туалетной бумаги.

– Ничего я не закрыла, – ответили в трубке. – Кстати, подумай про Анджелину Джоли. Помнишь, стоило ей усыновить китайчонка…

– Мэддокс – не китайчонок, мам. Он – камбоджиец.

Прозвучало холодно. Просто мама совершенно несносно говорит о знаменитостях. Можно подумать, она секретничала с Анджелиной Джоли прямо на ланче-караоке у Мейвис Эндербери!

– Так вот, дорогая, стоило Анджелине усыновить малыша, как она заполучила Брэда Питта, а там и свои детишки пошли!

– Вряд ли, мама, Брэд Питт повелся на маленького камбоджийца. И вообще, ребенок – не главное для женщины, а его отсутствие – не катастрофа.

Говоря так, я втискивалась в воздушное платье персикового цвета – то самое, которое надевала на свадьбу Магды.

– Что верно, то верно, дорогая. Есть люди, которые отлично живут без детей. Возьми хоть Уинн и Эшли Гринов. Они по Нилу тридцать четыре раза плавали! Только они ведь супруги, так что…

– Мам, я наконец-то вполне счастлива. Я добилась успеха, у меня новая машина с навигационной системой, и я сво-бод-на…

В этот миг я выглянула в окно, а там… там по улице, выпятив животы, топало несколько беременных женщин.

– Гм. Ну ладно, дорогая. Ты ни за что не догадаешься…

– О чем я не догадаюсь?

Под окнами прошествовали еще три беременные. Это попахивало мистикой.

– Она согласилась! Королева приняла наше приглашение! Двадцать третьего марта Ее Величество приедет к нам отмечать полуторатысячелетие Этельредова камня.

– Что? Кто? Этельредова камня?

Теперь уже целая толпа беременных двигалась под моими окнами.

– Ну как же! Камень, который в деревне, возле пожарного гидранта! Мейвис еще машину о него разбила. Реликт англосаксонской эпохи.

Вдруг мама резко переключила передачу.

– А тебе разве не надо сегодня на крестины? Элейн говорила, что Ма…

Пришлось применить шепот – загадочный и зловещий.

– Подожди, мам. Тут что-то странное происходит. Я потом перезвоню.

Вот непонятно, почему все так и норовят кольнуть меня: когда родишь, Бриджит? Ну, когда? Главное, у самих-то чувства к детям противоречивые! Даже мама регулярно выдает: «Порой, дорогая, я жалею, что вообще завела детей». И все вроде не дураки – учитывают, что в современном мире, где мужчины окончательно деградировали, меньше всего хочется…

Господи! В дверь звонят.

12.30.

Шэззер. Наконец-то! Затащила ее в комнату, а сама, словно под гипнозом, вернулась к окну. Шэззер в маленьком черном платье, меньше всех прочих платьев пригодном для крестин, и в туфлях от Джимми Чу протопала к холодильнику.

– Бридж, ты чего на подоконнике висишь? Зачем доброй феечкой нарядилась? Мы опаздываем!

– Мне было видение, Шэззер. Господь решил наказать меня за эгоизм и карьеризм и за то, что контрацептивами природу обманывала.

– Совсем сдурела, да? – Шэззер распахнула холодильник. – А что, вина у тебя нет?

– Сама посмотри, улицу заполонили беременные. Это – многомерное знамение. Скоро коровы начнут с неба падать, жеребята будут рождаться о восьми ногах, а еще…

Шэззер прошла к окну, выглянула, отставив задницу, туго-натуго обтянутую маленьким черным платьем.

– Никаких беременных. Один клевый бородатый парень, и все. Впрочем, не такой уж и клевый. Бывают и получше. Может, если его побрить…

Я метнулась к окну, в недоумении уставилась на пустынную улицу.

– Только что были. Исчезли. Куда они делись?

– Ладно, успокойся. Тихо, тихо, Бридж, детка.

Таким тоном американский коп говорит с восьмым за дежурство вооруженным пушкой психом. Я только моргала в ответ, будто кролик, выхваченный из мрака светом фар. В следующий миг я почти скатилась с лестницы. Следом топала Шэззер.

Ну конечно! Вот ЕЩЕ ДВЕ беременные. Почти бегут за теми, что прошли раньше. Я бросилась к ним.

– Кто вы такие? Какова ваша миссия? Куда вы держите путь?

Женщины указали на вывеску рядом с кафешкой для веганов. «Поп-ап йога для беременных» – вот что там было написано. А за спиной у меня уже сопела Шэззер.

– Правда? Отлично! Супер! – выпалила я. – Чудного, дивного вам дня!

– Бриджит, – заговорила Шэззер, – ты точно чокнутая.

Мы потом еще на лестнице похихикали – удержаться не смогли.

13.04. Моя машина. Лондон.

– Порядок. Приедем как раз ко времени, – выдала Шэз.

Мы уже четыре минуты как должны были быть в Чизлвуд-хаус на фуршете, предваряющем крестины. А были – в глухой пробке на Кромвель-роуд. Зато – в моей новой машине, которая принимает голосовые команды, сама находит дорогу, сама звонит по телефону и чего только не умеет.

– Набери Магду, – нежно пропела я машине.

– Курмайор, – ответил металлический голос.

– Какой Курмайор, дура! – рявкнула Шэз.

– Поворачиваю к Друри-лейн.

– Не поворачивай! Честное слово, дауническая система!

– Даунинг-стрит, предположительное время в пути…

– Не выражайся в моей машине, Шэз.

– Ты что, взяла сторону этой безмозглой железяки?

В салон прорвался голос Магды:

– Живо надевай трусы! Надевай, говорю! Без трусов на крестины нельзя.

– А мы в трусах! – ляпнула я.

– Не надо обобщать, – буркнула Шэззер.

– Бриджит! Ты где? Ты же крестная мать! А вот мамочка тебя отшлепает! А-та-та! А-та-та!

– Я уже почти приехала, Магда! Я подъезжаю. Буду через минуту! – заверила я, косясь на Шэззер.

– Отлично. Поторопись. Нам надо подкрепиться коктейльчиком, иначе не выдержим всю церемонию. И я должна тебе кое-что сказать.

– Что, Магда?

Слава богу, она не слишком сердится. Похоже, день будет неплох.

– Насчет крестного отца.

– Слушаю.

– Бриджит, мне очень неловко. Извини, пожалуйста. Столько детей, а вменяемых мужчин практически не осталось. Даже сравнительно вменяемых. Здесь будет он. Джереми позвал его, не посоветовавшись со мной…

– Кого позвал? Кто – он?

Последовала пауза с детским визгом. А затем – единственное слово. Оно вонзилось в меня, как нож французского повара вонзается в голову козьего сыра.

– Марк.

– Хорош прикалываться, – сказала Шэззер.

И снова повисло молчание.

– Слышишь, Магда, хорош прикалываться, – повторила Шэззер без прежней уверенности. – Какого черта? Какого черта ты делаешь? Ты что, маньячка? Мазохистка? Почему Бриджит должна стоять перед гребаной купелью рядом с Марком Дарси, почему на нее должны пялиться все эти Замужние Наседки, так их и так?!

– Констанция! Положи на место! ПОЛОЖИ ОБРАТНО В ГОРШОК!.. Извините, девочки, мне надо идти!

Связь оборвалась.

– Останови машину, Бридж. Ни на какие крестины мы не едем. Поворачивай обратно.

– Полный поворот разрешен. Операция выполняется, – согласилась машина.

– Ты не обязана, – продолжала Шэззер, – только потому, что эта курица Магда намертво вцепилась в своего Джереми и родила ему на старости лет очередного спиногрыза, и теперь у нее напряг с крестными отцами. – Шэз вдохнула поглубже. – Ты не обязана, Бридж, играть в святое семейство со своим бывшим, с этим снобским снобищем.

– Нет, Шэз, я окрещу ребенка. Это мой долг. Крестная мать – не пустые слова. Люди даже в Афганистан едут, а я всего лишь…

– Это не Афганистан, Бриджит! Это – дикое, немыслимое, позорное попадалово! Съезжай на обочину.

Я попыталась съехать на обочину, но остальные участники дорожного стояния принялись сигналить как ненормальные. Наконец я нашла заправку при супермаркете «Сэйнсбериз».

– Бридж.

Шэззер уставилась мне в лицо, смахнула волосок с моей щеки. На миг я подумала: вдруг она лесбиянка? Я хочу сказать, в юности люди не задаются вопросом: кто я есть? В юности человек просто ЕСТЬ. А потом выясняется, что с женщинами отношения строить легче, чем с мужчинами. Причем намного легче, а я никогда…

– Бриджит! – рявкнула Шэз. – Опять в транс погрузилась! Всю жизнь под других подстраиваешься. Вспомни о себе. О своих потребностях. Тебе нужен секс. Если тебе так уж неймется поехать на это кошмарное сборище, займись сексом на ЭТОМ КОШМАРНОМ СБОРИЩЕ. Я лично именно так и сделаю, только в своей собственной квартире. Хочешь ради других на посмешище себя выставить – пожалуйста. Я тогда такси возьму. Проведу альтернативные крестины. Своего нынешнего окрещу.

Понимаю Шэз. Но Магда – моя подруга и всегда была добра ко мне. Поэтому я продолжила путь с невеселыми мыслями о том, как все могло бы сложиться, и о том, как бы мне хотелось, чтобы все было ну совершенно иначе – кроме, конечно, моей новой машины, которой, к счастью, пришла охота поболтать.

Пятью годами ранее

До сих пор не верю в случившееся. Я же ничего плохого не хотела, просто пыталась проявить сострадание. Шэззер права. Нужно больше читать. Как раньше. Книги вроде «Почему мужчины любят стерв».

Торжество по случаю нашей с Марком помолвки проходило в отеле «Кларидж». Я бы предпочла более богемное местечко – с китайскими фонариками, плетеными абажурами, «домашними» диванами на улице – все в таком духе. Но в системе ценностей Марка отель «Кларидж» – как раз то, что нужно для помолвки. Отношения – они ведь подразумевают необходимость подстраиваться. Вот я и подстроилась. А Марк, который петь в принципе не умеет, Марк спел. Переделал текст «Моей смешной Валентины».

Вот что вышло:

Валентина моя, ты прекрасна, прекрасна!

Я взглянул на тебя – и растаял, как масло.

Пунктуальность – отнюдь не твоя черта;

Ты подсчетом калорий всю жизнь занята!

В голове твоей хаос, в квартире – бардак…

Не меняйся! Беру тебя замуж и так!

С сигаретным, руками развеянным дымом;

С синим супом; с жирком – и реальным, и мнимым!

Соглашайся, родная! Стань моей Валентиной!

Не пытайся за Ибсена браться и Пруста!

Без тебя в моем доме уныло и пусто!

Так войди же скорей! Рассмеши, всполоши

И заветное «Да» наконец-то скажи!

В такт он не попадал, конечно; но Марк всегда такой чопорный, на все пуговицы застегнутый, а тут дал волю эмоциям – при всех поцеловал меня прямо в губы. Я в жизни не была счастливее.

А вскоре все пошло кувырком.

ВЫВОДЫ

Если когда-нибудь у меня снова начнет налаживаться, я близко не подойду к:

1. Установке для караоке;

2. Дэниелу Кливеру (это мой бывший, соперник Марка. В Кембридже они дружили, а потом Марк застал Дэниела у себя в кухне, занимающимся сексом с его первой женой).

Итак, неуклюже слезая со стола, на котором я сбацала под караоке «Всегда буду любить тебя», я поймала на себе затравленный, трагический взгляд Дэниела Кливера.

Дэниел – манипулятор, не знающий удержу в сексе; он – изменщик и лжец, и порой бывает очень злым, и понятно, что Марк его ненавидит за прошлое; но все-таки есть в нем нечто невыразимо привлекательное.

– Джонс, – заговорил Дэниел. – Спаси меня, Джонс. Меня терзает запоздалое раскаяние. Ты – единственная женщина, которая могла наставить меня на путь – и вот ты выходишь за другого. Я в смятении, Джонс; разум не повинуется мне. Снизойди до несчастного, утешь его парой добрых слов.

– Конешшшно, Дэнс, конешшшно, – произнесла я заплетающимся языком. – Пусссть всссе нынчче будут так жжже сччастливы, как я…

Да, пожалуй, я была малость пьяна. Самую чуточку. Это я теперь понимаю, по прошествии пяти лет. А тогда Дэниел подхватил меня под локоть и куда-то повлек.

– Мне плохо, Джонс. Я раздавлен. Убит. Уничтожен.

– Ну ччто ты… Поссссслушшшшшшай. Я дейсссс… дейсссс… я правда сччитаю, что твое сччассстье…

– Сюда, Джонс, прошу тебя. Нам нужно поговорить наедине…

Так мы оказались в непонятной комнате.

– Отныне моя жизнь разбита. Все кончено. Никаких надежд не осталось. Так-то, Джонс.

– Нет! Нет, Дэниел! Ты ещ-ще будешь счасстлив. Я точно знаю…

– От тебя я жду поддержки, Джонс. Ибо мне страшно. Страшно, что уже никогда…

– Ссслушай. Сссчастье – это… это сччастье, потому что…

Тут я потеряла равновесие, и мы грохнулись на пол.

– Джонс, – сладко зашептал Дэниел. – Дай напоследок взглянуть на них. Как я буду жить без твоих дивных, чудных, гигантских мамочкиных трусов? Как, Джонс? Осчастливь папочку, не будь злюкой. Пока еще не поздно. Пока в папочке еще теплится огонек, который скоро подернется хладным пеплом…

Дверь распахнулась. Я подняла взгляд. Над нами стоял Марк. Дэниел тянул вверх мою юбку. На мгновение в карих глазах Марка отразилась боль. Затем глаза погасли, будто Марк задернул шторы.

Что-то другое Марк, пожалуй, мне простил бы. Только не Дэниела. Нет, с вечеринки мы ушли вместе. И еще пару месяцев гнали картину, будто все у нас в порядке. Других обманывать получалось; себя – нет, несмотря на все усилия. Может, вы помните – у меня диплом Бангорского университета по английскому языку и литературе; в голове тогда все вертелась цитата из Д. Г. Лоуренса. «Ее гордая, благородная душа затвердела, подобно горному хрусталю, и не впускала

его»[1 - Цитируется роман «Сыновья и любовники». – Здесь и далее примечания переводчика.].

То же самое произошло с гордой, благородной душой Марка – она меня не впускала.

– Какого черта он дуется? Подумаешь, один случайный эпизод – что он может значить по сравнению с целой жизнью? Тем более всем, и ему лучше других, известно, что за тип Дэниел.

Так меня настраивали друзья. Но «один случайный эпизод» произвел на Марка слишком сильное впечатление – за пределами моего понимания. Марк сам не мог объяснить, почему это его настолько задело. Вероятно, сцена с Дэниелом стала той самой пресловутой последней каплей. В конце концов Марк признался мне, что продолжать не в силах. Квартира осталась за мной. Марк еще извинялся за причиненные неудобства, душевные страдания и тому подобное. Сам сообщил нашим друзьям и родственникам о расторжении помолвки и вскоре после этого улетел в Северную Калифорнию – ему там работу предложили.

Надо отдать должное друзьям. Они были бесподобны со своим вечным припевом: «Дарси – снобское снобище, отрыжка публичной школы. Такие вообще не способны к отношениям». Через полгода Марк сочетался браком со своей помощницей, Наташей. С этой молью на булавке. С той самой Наташей, что была с ним на презентации «Мотоцикла Кафки», когда Марк впервые предстал передо мной в костюме, а не в свитере. Наташа, помню, очень уверенно обсуждала с Салманом Рушди «культурную иерархию», я же только и сумела выжать из себя, что идиотский вопрос: «Не знаете, где здесь туалет?»

А Дэниел так и не позвонил. «К черту Дэниела. Он – сексуально озабоченный, эмоционально незрелый, боящийся ответственности кретин и моральный импотент», – заявила Шэззер. Через семь месяцев Дэниел женился не то на модели, не то на княжне из Восточной Европы. Он изредка появляется на глянцевых страницах «Хелло» – непременно облокотившись о парапет фамильного замка на фоне гор. Вид у него слегка растерянный.

* * *

И вот она я пять лет спустя – ползу по трассе М4, катастрофически опаздываю, и скоро увижу Марка в первый раз после того, как все у нас с ним кончилось.

Глава вторая

Крестины

Воскресенье, 24 июня

14.45.Глостершир. Утопающая в зелени церквушка. Парковка при ней.

Ладно. Пока все в норме. Пятнадцать минут с предполагаемого начала таинства крещения, но ведь ничто и никогда не начинается вовремя, верно? Буду сохранять спокойствие и невозмутимость; преисполнюсь чувства собственного достоинства. В каждый неловкий момент задамся вопросом: «А как бы поступил на моем месте Далай-лама?» И поступлю точно так же.

Выбралась из машины. Антураж – сугубо летний и сугубо котсуолдский. Если в деталях, то вот: древняя церквушка, розы, запах свежескошенной травы, плакучие ивы. Полная тишина, если не считать птичьего щебета да пчелиного жужжания. Воистину, столь славно бывает лишь в Англии – в тот единственный за лето день, когда солнце светит и все боятся, что такое повторится не раньше будущего года.

Пошатываясь, двинулась к церкви. Интересно, где народ? Впрочем, нет – не очень интересно. Без крестной матери не начнут.

Вдруг раздался вертолетный рев. Персиковая юбка надулась ветром, волосы – тоже. Я застыла, где стояла. Вертолет пошел на снижение. И совсем по-бондовски, не дождавшись контакта с землей, из него материализовался не кто иной, как Марк Дарси. Вертолет взмыл в воздух, а Марк на своих длинных ногах зашагал к месту крестин.

Уверенной походкой (насколько таковая возможна, если ковыляешь по траве на каблуках) я быстро добралась до церкви. Всю дорогу уверяла себя: церемония пройдет на ура, у меня ведь теперь идеальный вес, все убедятся, что я полностью изменилась. При виде Марка – высокого, с великолепной осанкой – возле купели я ощутила знакомый трепет. Пока шла по нефу, явственно услышала голос Космо:

– Она что, больна? Выглядит, будто моль на булавке! Булки-то куда подевались?

При моем появлении викарий произнес:

– Полагаю, можно наконец начинать, – и добавил еле слышно: – У меня нынче еще трое крестин, будь они неладны.

– Бриджит, где тебя носило? – зашипела Магда. – И где Шэззер?

Тут захныкала моя младшая крестница, Молли, и Магда вручила ее мне.

– На, подержи.

От Молли вкусно пахло присыпкой и молоком. Девочка пристроила головку между моих булок (которые, к слову, НИКУДА НЕ ДЕЛИСЬ) и мигом затихла, очень довольная.

Марк единственный раз сверкнул на меня взглядом и этим ограничился.

В целом крестины прошли хорошо. Я крестила детей столько раз, что уже просто на автомате это делаю. Сразу после крестин, вместо того чтобы потусоваться на лужайке, Марк исчез.

Я двинула на вечеринку, где угодила в эпицентр катастрофы, точнее – в компанию Самодовольных Наседок.

– Моя нянька-австралийка только и делает, что эсэмэсит.

– Найми девушку из Восточной Европы! У нашей Одроны диплом инженера аэронавтики. Высшее образование в Будапеште получала.

– Ой, смотрите – Бриджит! – заворковала Муфти. – Наша любимая крестная мамочка!

Каролина погладила свой оттопыренный живот и проговорила:

– Сколько у тебя уже крестников, а, Бриджит?

– Четыреста тридцать семь, – бодрым голосом сказала я. – Считая с твоим – четыреста тридцать восемь. Извините, мне надо бежать, потому что…

– Тебе пора своих крестить. Время-то на месте не стоит, – заметила Уони.

Целую секунду я мысленно трепала Уони за уши, вопя: «По-твоему, я сама об этом день и ночь не думаю?!» Впрочем, я отогнала видение. Просто в последние десять лет я стараюсь не нервировать Уони. Смешно, да?

– Потрогай! Она уже толкается! – предложила Каролина, поглаживая живот.

– Что? А, ну да. В другой раз. Спасибо.

– Нет, давай сейчас. Ну же, потрогай!

– Видишь ли, Каролина, я ужасно тороплюсь…

– Потрогай. Мой. Живот.

Каролина начала свирепеть.

– Ой, она меня лягнула!

– И кто ж ее осудит? – встряла Магда. – Хватит, кадушки пузатые, оставьте Бриджит в покое. Вы ей просто завидуете. Сами не прочь ездить на престижную работу и парней менять как перчатки, – а не выходит. Пойдем, Бридж, выпьем.

И Магда потащила меня прочь из камеры пыток. По дороге она внезапно остановилась, посерела лицом и шепнула:

– Джереми снова кадрит эту стерву.

– Боже, Магда! Бедненькая! Джереми так и не угомонился?

– Угомонится он, как же! Пойду разберусь. Бар вон там. Увидимся.

Я стала пробираться к барной стойке. Путь преграждала компашка набравшихся папаш.

– Если хочешь записать своего в Вестминстер[2 - Вестминстерская школа – самая престижная из британских привилегированных школ-пансионатов.] к шести годам, репетитора нанимай, как только три года стукнет.

– Можно попытаться еще раз – в одиннадцать.

– Ни малейшего шанса.

– Шанс будет, если учить латыни.

– Бриджит! Ты что, болела? Куда твои булки делись?

– Как жизнь? По-прежнему одна, да?

Кивок влево, загадочная улыбка вправо – словом, пройти сквозь строй удалось без эксцессов. Я метнулась к бару, почти уверенная, что худшее позади, – и очутилась рядом с Марком Дарси. Между нами произошел следующий разговор:

Марк Дарси: Привет.

Я: Привет.

Марк: Как дела?

Я (не своим голосом): Очень хорошо, спасибо. А у тебя?

Марк Дарси: У меня все хорошо.

Я: И у меня.

Марк: Это хорошо.

Я: Да.

Марк Дарси: Это хорошо.

Я: Да.

Марк Дарси: Ну, значит, до свидания.

Я: Да, до свидания.

Мы обернулись к разным барменам. Я сказала:

– Пожалуйста, бокал белого вина.

И услышала голос Марка:

– Мартини с водкой.

– Большой бокал, – уточнила я.

– Тройной мартини, я хотел сказать, – уточнил Марк.

– В смысле, очень большой бокал.

– А еще виски, пожалуйста, – добавил Марк.

Потом мы, как идиоты, ждали заказов, стоя друг к другу спиной. А потом набравшиеся папаши переключили внимание на Марка.

– Дарсиииии! Каким ветром тебя сюда занесло, сукин ты сын! Свалился нам на головы прямо с вертолета!

– Я просто был, гм, на очень важной встрече в МИДе.

Бармен подвинул мне бокал вина. Я сделала гигантский глоток и стала прикидывать, как бы незаметно свалить.

– Ну что, Дарси, поди, холостая жизнь – не сахар? – поинтересовался Космо.

Я замерла. Холостая жизнь?

– Да он скрытный у нас. Небось уже новую куколку завел. Завел, Дарси? Признавайся!

– Видите ли… – начал Марк.

– Да чего ты время тянешь, будто слюнтяй какой! Бери пример с Джонни Форрестера. Не успел развестись, как на него цыпочки целой стаей налетели. Проходу не дают. Джонни теперь и дома не застанешь – каждый вечер где-нибудь тусит.

Я глотнула еще вина, а Марк выдал:

– Кажется, вы весьма смутно представляете себе, каково живется холостякам моей возрастной группы. Где бы я ни очутился, мне начинают сватать очередную невезучую дамочку соответствующего возраста; дамочку, которой требуется принц на белом коне для решения разнообразных проблем – финансовых, физиологических и прочих. Извините, я должен идти. Да, мне действительно пора.

Чуть не упала, огибая барную стойку. Прислонилась к стене. Марк – холостяк? Развелся с Наташей? «Дамочка соответствующего возраста»? Это он МЕНЯ имел в виду??? Он думает, его нарочно крестным отцом пригласили, чтобы со мной свести? Он УЕЗЖАЕТ? Вся такая растерянная и недоумевающая, я собиралась эсэмэсить Шэззер, когда рядом возникла Магда – уже изрядно навеселе.

– Бриджит! А Марк-то развелся! Развелся! Бросил эту моль на булавке.

– Да, я только что и сама слышала.

– Пойдем выйдем. Это надо срочно обсудить.

Мы двинулись к выходу мимо набравшихся папаш. Они развивали новую тему.

– А что не так с Бриджит? Никогда не мог понять, почему они с Дарси разбежались.

– Просто слишком долго были вместе.

– Да в чем дело-то? Она стара или у него солдатики полуживые?

* * *

В саду обнаружилось множество детей. Дети не карабкались на деревья, не играли в догонялки, не устраивали ни парных забегов, ни прочих забав. Каждый сидел, уткнувшись в свой смартфон. Магда налетела на них, как коршун.

– Зак! Прекрати! Прекрати немедленно! Я же сказала: сорок пять минут, и ни секундой больше.

– Но я ведь ЕЩЕ ЭТОТ УРОВЕНЬ НЕ ПРОШЕЛ!

– В другой раз пройдешь. Дай сюда гаджет. Всех касается! – разорялась пьяная Магда, мечась от одного ребенка к другому.

– Так НЕЧЕСТНО!

– Я все короны ПОТЕРЯЮ!

– Невелика беда. ДАВАЙ СЮДА СМАРТФОН!

Началась потасовка.

– ТИ-ШИ-НА! – рявкнул кто-то сбоку. – Поттер, Роубак – отставить! Смирррр-но!

Мальчики, определенно полагая, что каким-то волшебством перенеслись обратно в школу, застыли навытяжку.

– Так-то лучше, – произнес Марк.

Он прошелся перед строем, словно генерал на смотру.

– Неподобающее поведение. Вы мужчины!.. Десять раз обежать гидрографический объект. Команда дана для всех. Кто первым прибежит, – Марк достал свой айфон, – тому будет разрешено десять минут играть в «Злых птичек». Почему до сих пор стоим? Бегом марш!

Мальчики постарше рванули с места, будто рысаки на скачках. Младшие детишки разревелись. Марк на мгновение смутился, затем сказал:

– Вот так. Славно.

И зашагал к отелю.

* * *

Один из моих многочисленных крестников, трехлетний Арчи, стоял, выпятив животик, с крайне грустным видом. Нижняя губка у него подрагивала.

Я шагнула к Арчи, и он мигом повис у меня на шее. В волосах что-то задергалось.

– Это мой пававозик, – сообщил Арчи.

– Что?

Рука взметнулась к прическе. Проклятье! И впрямь, в волосах запутался игрушечный паровозик. Причем заводной. Завод, что интересно, работал, все туже наматывая прядь волос.

– Пвости, тетя Бъиджит, пвости! – всхлипывал Арчи. – Это не пвостой пававозик, это Томас!

– Не плачь, маленький, – приговаривала я, пытаясь высвободить волосы из железяки.

Послышался Магдин вопль:

– Одрона! Где носит всех этих чертовых нянек?!

– Магда, у меня паровоз в волосах запутался!

На игровой площадке царила неразбериха. Старшие дети все еще носились вокруг озера как ужаленные. Наконец набежали няньки, похватали малышей, потащили в дом. Старшие вернулись, вымотанные марафоном. Впрочем, не настолько, чтобы забыть про айфон и «Злых птичек». Было больно смотреть, как дети тянутся к Марку, но я смотрела. Марк Дарси стал кумиром мальчишек, обрел непререкаемый авторитет – и все без видимых усилий.

* * *

Воспоминания о дальнейшем тонут в алкогольных парах. Кажется, были народные танцы. Позднее несколько человек, включая меня и Марка, выползли на террасу, подперли стену.

– Чертова электроника. Паршивец Зак. Паршивцы приятели Зака, – бубнила Магда.

– Ничего подобного не случилось бы, если бы мы отправили Зака в публичную школу, – заявил Джереми, косясь на барную стойку, откуда ему строила глазки «эта стерва».

– Какая, к черту, публичная школа? – возмутилась Магда. – Ребенку семь лет!

– Да. Это жесстоко. Это сущщщее варварссство, – поддержала я.

– Меня лично как раз в семь лет отправили в публичную школу, – сообщил Марк.

– И смотри, во что ты превратился, – резюмировала Магда.

* * *

Опасаясь потерять почву под ногами и плюхнуться, чего доброго, в гидрографический объект, я сползла по ступенькам и доковыляла до ближайшей скамьи, чудом не сломав лодыжку. Гидрографический объект был залит лунным светом.

За спиной раздался голос Марка:

– Значит, по-твоему, это жестоко?

– Да. Жестоко отправлять свое дитя в закрытое учебное заведение.

Сердце билось как сумасшедшее.

– А тебе не кажется, что дисциплина детям только на пользу? В закрытой школе они воспитываются в духе соревнования, который закаляет характер и волю. Разве не так?

– Так – если речь идет о физически развитом альфа-самце, одаренном во всех областях. А куда девать низкорослых, стеснительных и не слишком способных маленьких тюфячков? К кому такой тюфячок станет возвращаться по вечерам, кто ему скажет, что он – единственный и уникальный…

Марк сел рядом и просто докончил:

– …и станет любить этого ребенка таким, какой он есть?

Я потупила взгляд, постаралась взять себя в руки.

– У тебя в волосах паровозик.

– Да, я знаю.

Одним ловким движением Марк высвободил мою прядь.

– А больше там ничего постороннего нет? Постой-ка, что это? Неужели кусок торта?

Милый, заботливый старина Марк. Захотелось его поцеловать. Невыносимо.

– Давненько мы не виделись, верно? – сказал Марк.

– Да. А ты теперь кто?

– Понятия не имею.

– Я тоже, – сказала я.

– Сорок лет тебя знаю, а имя все никак не запомню.

Мы оба прыснули – старая приходская шутка, папина любимая.

Марк продолжал смотреть на меня своими карими, бездонными, проницательными глазами, а я задавалась вопросом: «Как бы поступил на моем месте Далай-лама?»

Внезапно мы вскочили, словно пара щенят, спущенных с поводков, и помчались ко мне в номер. На всю ночь.

Воскресенье, 25 июня

Мы не насытились и к утру, только новый голод прибавился – обычный, относящийся к еде. И очень сильный. Звонили насчет обслуживания номеров – не дозвонились.

– Наведаюсь в ресторан, – сказал Марк, застегивая рубашку. – Принесу нам что-нибудь от щедрот шведского стола. А ты не вздумай вставать. Лежи, как лежишь.

За Марком закрылась дверь. Я услышала приветствующий его мужской голос. «Добрым утром» дело не ограничилось. Марк и неизвестный мужчина заговорили, причем на повышенных тонах. Через минуту, совершенно неожиданно, разговор оборвался. Что бы это значило?

Я стряхнула неприятное впечатление, потянулась под одеялом, смакуя ночные подробности. Потом спохватилась – нашарила расческу, зеркальце, принялась прихорашиваться.

В дверном проеме возник Марк с целым подносом вкусностей – апельсиновый сок, кофе, шоколадные круассаны.

– Спасибо, милый, – проворковала я. – Иди ко мне.

Но Марк только опустил поднос на прикроватный столик, а сам остался стоять.

– Ты чего?

Он нервно заходил по комнате.

– Видишь ли, я совершил ошибку.

Так, понятно. Злой рок. Особенно кошмарно, что я – в ночнушке, вся такая уязвимая, в то время как Марк защищен броней – костюмом. Он ведь не это имеет в виду? Он ведь не отвергнет меня после ночных ласк и откровений? Нет, только не сейчас. Только не в ночнушке.

– Я забылся. Пошел на поводу у собственных эмоций. Меня захлестнула радость встречи с тобой. И вдобавок я малость перебрал. Впрочем, мы оба перебрали. Мы не должны продолжать.

– Продолжать перебирать?

– Бриджит, – заговорил Марк, присаживаясь на край кровати, – пойми меня. Я недавно развелся. Ни мое эмоциональное состояние, ни та фаза жизненного пути, которой ты достигла, не годятся для начала серьезных отношений.

– Я их и не требую.

– Да, конечно. Однако проблема – не важно, озвученная или нет – никуда не девается. В твоем возрасте я просто… Это было бы непорядочно с моей стороны… Словом, я не хочу и не буду транжирить последние годы твоей фертильности.

* * *

19.00.Моя квартира.

Боже. Боже. Выходит, у моей сексуальности был срок годности – и вот он истек. Мужчины больше не находят меня привлекательной, потому что я – пустоцвет, вдобавок вялый.

19.01. Я – токсична. Я отталкиваю мужчин на подсознательном уровне.

19.03. Тьфу! Не дам эмоциям влиять на карьеру! Я – продюсер-профи; сейчас загружу мозг множеством задач; разграничу личное и профессиональное. Все

получится, хоть меня и отверг, предварительно использовав, тот самый, единственный… В общем, отныне мужчины для меня не существуют. Работа, работа и еще раз работа.

19.04. Нет ничего труднее, чем быть бездетной женщиной на пороге сорокалетия. Природа-матушка гнет тебя в разные стороны, только успеваешь охать. В светлом будущем ученые что-нибудь придумают для облегчения страданий; а пока, дорогая Бриджит, слушай оглушительное тиканье часов, излучай флюиды паники и наблюдай, как учуявшие их мужчины бегут от тебя врассыпную. Даже если ТОТ САМЫЙ МУЖЧИНА встретится прямо сегодня, все равно не хватит времени на естественное развитие отношений, из которого логически вытекает зачатие.

19.05. Ребенок? У меня? Ну нет. Я на пике карьеры. Каждому свое, знаете ли. Лично мне – взрослые отношения, изысканные и утонченные, почти как во французском кино.

Глава третья

Мужчины – они вроде автобусов

Понедельник, 26 июня

18.00.Студия передачи «Удивись, Британия!».

– Наплюй, – выдала Миранда.

Как всегда безупречная, она сидела в кресле ведущего, в окружении камер и гигантских экранов, в то время как я ОСУЩЕСТВЛЯЛА ОБЩИЙ КОНТРОЛЬ с галереи. Мы общались через наушник.

– Тридцать секунд до эфира, – объявил Джулиан, администратор.

– В голове не укладывается, – зашептала я. – Он взял и ушел просто потому, что ему взбрело, будто мне нужны отношения и дети. Наверно, у меня это все на лице написано.

– Не болтай ерунды, – отрезала Миранда.

Звукооператор прицепил к ее лацкану микрофон.

– ДЕСЯТЬ, девять, восемь, семь, – начал считать Джулиан.

– У нас тут «Удивись, Британия!», а ни разу не Викторианская эпоха, – продолжала Миранда. – Ты перепихнулась с бывшим. В чем криминал?

Проклятье! Миранда, сама того не ведая, сообщила о моем поступке всей студии, а заодно и всей Британии. И добавила:

– Чтоб ты знала: секс с бывшими вообще в счет не идет.

– Извините, проворонил. Мы в эфире, – сообщил Джулиан.

БЛЯМС!

На экраны выплыла тема передачи, зазвучала, суля срочные новости, заставка. Можно подумать, сотрудники «Удивись, Британия!», подобно муравьям, тащат каждый свою сенсацию изо всех мировых щелей; на самом деле они слоняются по студии, обсуждая секс и ничего кроме секса.

– Злоупотребление алкоголем! – пискнула Миранда. Испугалась, быстро перешла на свой обычный вещательный тон: – Что это? Серьезная угроза для юных британок или просто старый добрый способ времяпровождения?

БЛЯМС.

Пошел видеорепортаж – толпа пьяных в стельку девчонок вываливается из паба.

– Как думаешь, все дело в моем возрасте? – прошептала я Миранде в наушник.

– Нет, конечно. Просто он – эмоциональный тормоз! – объявила Миранда – снова на всю страну. – А сейчас сэр Энтони Хопкинс…

– …превзойдет себя, – прошипела я, спохватившись, Миранде в наушник.

– Превзойдет себя! – Миранда сверкнула улыбкой на пустое кресло, где должен был сидеть Энтони Хопкинс.

– Явив нам весь спектр актерских эмоций, – отчаянно засуфлировала я.

– Явив нам ВЕСЬ СПЕКТР актерских эмоций, – выдала на камеру Миранда.

БЛЯМС.

– И наконец: откуда берутся геи? Новейшие исследования доказывают, что сексуальная ориентация формируется еще в утробе матери.

– Точнее, в какой момент жизни мужчина становится патологическим запудривателем мозгов? – поправила Миранда, откидываясь на спинку кресла в ложной уверенности, что клип уже идет.

– Бриджит! Миранда!

В студию ворвался Ричард Финч – мой босс.

– Я же просил не болтать о своем о девичьем между заставками! Что у вас тут за бардак? Где Энтони Хопкинс?

И правда – где?

Я напряглась. Новостному клипу оставались считаные секунды.

– Добудьте мне Энтони Хопкинса! – зашипела я Джулиану в наушники.

– Встречайте! – бодро заговорила Миранда. – С корабля на бал, наш следующий гость…

– Тяни время, Миранда!

Энтони Хопкинс, седой, в костюме, неуверенно озираясь, шел по студии. С наушника Миранды я переключилась на наушник Джулиана:

– Джулиан, Хопкинс уже здесь. Камеру влево, в смысле, вправо. Короче, за кресло.

– Рыцарь Ее Величества, – тянула Миранда.

– Да подведите же его к креслу! Подведите Хопкинса к креслу! – шипела я тоном взбешенной альфа-самки, которую такси завезло не туда, куда надо.

– Наше национальное достояние… – из последних сил импровизировала Миранда. – Наш плотоядный оскароносец…

Джулиан втолкнул Энтони Хопкинса в кресло, звукооператор на ходу прицепил микрофон к его лацкану.

– Да, да – национальное достояние, о чем я не устану повторять; актер, чье дарование прошло проверку эпохой, сэр Энтони…

В кресле сидел совсем не Энтони Хопкинс.

– Хопкинс! – выпалила Миранда, в упор глядя на незнакомца. – Скажите, сэр Энтони, образ Ганнибала Лектора мешал вам в дальнейшей карьере?

– Вообще-то я здесь, чтобы сообщить о вероятности наличия гена гомосексуальности, носителями которого являются женщины, – выдал гость.

Тем временем за Мирандиной спиной плотоядно, по-ганнибальски, кривил рот сэр Энтони Хопкинс.

После, не успела Миранда плюхнуться рядом со мной на диван в аппаратной и произнести: «Ну и кто здесь способен сваять мохито?», как Ричард Финч

распахнул дверь, зыркнул на нас и объявил:

– Бриджит! Миранда! Это – Пери Кампос, наш новый сетевой контролер.

За Финчем маячила женская фигура на высоченных каблуках.

– А это, – продолжал Финч, – команда системных аналитиков, наблюдавшая сегодня за работой над шоу.

В дверь просунулось несколько голов.

– Этим же они будут заниматься в течение четырех недель с целью выявить сотрудников, подлежащих сокращению для оптимизации рабочего процесса, – заявила Пери Кампос.

Она выступила вперед и оказалась американкой – очень молодой, в дизайнерском прикиде и в окружении бородатых юношей с забранными в пучки длинными патлами.

– Я называю это сельскохозяйственным термином «обрезка», – продолжала Пери Кампос. – Очень удачное слово, по-моему. Так и хочется посмаковать.

19.00.Туалет на студии «Удивись, Британия!».

Меня скоро уволят. Мое место займет юноша с самурайской прической.

19.03. Секс мне больше не светит. Никогда. Вчера был прощальный сеанс.

19.04. Я уподобилась пародийной школьной учительнице – старой деве с набеленными щеками и жирным слоем алой помады; вечной «мисс»; инопланетному реликту. Да, Бриджит, ты теперь такая, и нечего обольщаться. Боже! Телефон!..

* * *

19.10. Звонил Том.

– Дорогая, ты на презентацию Арчера Биро идти думаешь? Когда появишься?

Мысль лихорадочно заработала.

– Бриджит! БРИДЖИТ!

– Нет, – произнесла я зловещим тоном. – Никаких Арчеров. Никаких Биро.

– Дорогая, ради всего святого! Неужели ты после Марка Дарси до сих пор не очухалась? Ты ведь у нас богиня любви; ты же энергию излучаешь, как Солнце. А он кто? Снобское снобище, серийный двоеженец и отрыжка публичной школы. Ждем тебя в полвосьмого в «Скайбаре». Тебе надо оторваться по полной, детка.

20.00.Бальный зал в «Бэнксайде», Южный Лондон.

Во время забега вверх по лестнице – потому что мы катастрофически опаздывали – Шэззер еще переваривала стычку возле входа. У нее это выражалось в шипении «Ублююдки!». Просто Тома не было в списке приглашенных, о чем нам сообщили юные секьюрити в черных костюмах. Шэззер пришлось объяснять им, что отсутствие Тома в списке объясняется дремучей ГОМОФОБИЕЙ устроителей презентации, каковую гомофобию, уж конечно, осудят все до единого СМИ, и так далее в том же духе. Юные охранники сдрейфили и пропустили нас всех, а Шэззер направила негодование в иное русло.

– Нет, ну не урод? Сначала трахнул тебя после крестин, а потом СВАЛИЛ! Я давно говорю, что он просто распутный, эмоционально зажатый, пьяный…

– С нездоровой зависимостью, – вставил Том (он у нас теперь – только не смейтесь – психотерапевт).

– Самодовольный тупой ублюдок! – провозгласила Шэззер прямо в физиономии целой толпы представителей окололитературных лондонских кругов, вооруженных бокалами и пластиковыми пиалами с неподлежащим опознанию содержимым. На сцене уже выстроились в ряд авторши-номинантки. Национальности – на любой вкус, наряды – тоже. Присутствовали и хиджаб, и гватемальское платье расцветки «пожар в джунглях», и полноценная паранджа.

– Попрошу внимания!

Задние ряды литераторов дрогнули, раздались, и к сцене прошествовала госпожа президент в ослепительном, будто для церемонии вручения «Оскара», платье.

– Леди и – не забыть бы – джентльмены! – проговорила она уже в микрофон. Выждала, не хихикнет ли кто. Продолжила: – Я рада приветствовать вас на вручении почти юбилейной, пятнадцатой с момента основания премии Арчера Биро за лучшую женскую прозу. Наша премия была учреждена главным образом для искоренения унизительного термина «чиклит»…

– Все дело в моем возрасте, – прошептала я.

– Но также наша премия была учреждена и для продвижения серьезной, вдохновляющей…

Я почти прижалась к Шэззер и продолжила ей на ухо:

– В общем, со мной больше никто и никогда не займется сексом. Никогда, понимаешь?

– Мощной, как горный поток…

– Не пори чушь, – сказала Шэззер.

– Которому воистину подобна женская интуиция; пропитанной духом женского императива…

– Да ты уже сегодня какого-нибудь красавчика подцепишь, – сказала Шэззер.

– Леди, нельзя ли потише! – прошипел Чон Чхан, под шумок опустошавший бокалы.

– Извиняюсь, – шепнула я – и тут чья-то ладонь легла на мою задницу. В первое мгновение я застыла. Затем повела глазами вбок. От меня к сцене удалялась знакомая фигура.

– И сейчас я с удовольствием передаю слово человеку, всем нам знакомому по телепередачам; бывшему президенту «Пергеймон пресс» и, по слухам, начинающему романисту ДЭНИЕЛУ КЛИВЕРУ!

Боже!

– Каким ветром его занесло? – спросил Том. – Я думал, он в Трансильвании, наслаждается жизнью с тамошней Белоснежкой.

– Леди и джентльмены! Многоуважаемые члены комитета Арчера Биро! – начал Дэниел, весь из себя загорелый и лучащийся успехом, как политик после «пластики». – Для меня неслыханная честь стоять на этой сцене, среди столь восхитительных финалисток. Я чувствую себя словно на конкурсе «Альтернативная мисс мира».

Я ждала возмущенного рева, но послышался, напротив, одобрительный ропот.

– Нестандартный парень, – заключила Пэт Баркер, морща нос.

– Честное слово, – продолжал Дэниел, – я с огромным нетерпением жду выхода в купальниках.

Аудитория отреагировала гомерическим хохотом.

– Признаюсь по секрету – мне больше времени понадобилось, чтобы научиться выговаривать имена наших финалисток, чем чтобы прочесть их литературные шедевры. Иными словами, я был на один недобритый волосок от опасности увидеть этот конверт в чужих руках.

Хвост фразы потонул в мощном потоке одобрительных выкриков, производимых представительницами литературного бомонда.

– И вот в эту самую минуту я, с дрожащими руками, с бесчисленными благодарностями Колледжу Святой Троицы за вклад в восстановление праиндоевропейского языка, объявляю победительницу…

Дэниел нарочито долго вскрывал конверт, приговаривая:

– Да, да, это все равно что в самый ответственный момент вытаскивать презерватив из пачки… О! Мои бесценные! Мои бесценные читатели и не менее бесценные номинантки! Первый приз разделили между собой Камаданда Нгози за роман «Плач длиною в тысячу лет» и Ксиаолу Дуибхне за роман «Две тысячи лет не иссякали слезы».

Едва закончив речь, Дэниел был подхвачен и унесен целой толпой сногсшибательных юных издательниц. А я ретировалась в туалет для восстановления душевного равновесия.

– Расслабься, – заявил Том, как только я вновь села за столик. – Выжди еще пару-тройку лет – и будешь на коне. Когда у тебя плешь намечается и брюхо через ремень свешивается, тут уж мозги другим пудрить – непозволительная роскошь.

В туалете меня постиг приступ паники. Я решила, что выгляжу на все сто лет, и пудрилась до тех пор, пока Том, видно, почуявший неладное, не приоткрыл дверь и не сказал:

– Немедленно прекрати, дорогая, не то будешь точь-в-точь как Барбара Картленд[3 - Автор бесчисленных любовных романов, родилась в 1901 г.].

На выходе из туалета я нос к носу столкнулась с Дэниелом.

– Кого я вижу! – воскликнул Дэниел. – Супер-пупер Джонс! Честное слово, ты за эти пять лет очень помолодела и похорошела до невозможности. Нет, правда, Джонс, я просто не знаю, что с тобой сделать – жениться на тебе или удочерить.

– Дэниел! – произнес Джулиан Барнс, приближаясь к нам со своей фирменной тонкогубой улыбкой.

– Джулиан! Ты знаком с моей племянницей, Бриджит Джонс?

21.00. Снова в дамской комнате. Добавляю румян себе на сияющие щечки. Суперская презентация. Вот умеет Дэниел, когда хочет; я больше не чувствую себя старой. Собственно, если разобраться, сам приз Арчера Биро для того и был учрежден – чтобы женщины не допускали подобных мыслей из-за мужчин.

– Вперед, крошка, – сказал Том, вручая мне бокал, когда я, свежая, точно роза, выпорхнула из дамской комнаты. – Давай, оседлай этого жеребчика по второму разу.

22.00. Толпа пьяных гостей вынесла нас с Дэниелом на улицу. Мы тоже до того набрались, что едва не булькали.

– Ну и куда ты дел свою княжну? – спросила я.

– Ой, только не напоминай мне об этом ужасе. Я думал, из меня получится правильный князь – крутой нравом, но обожаемый.

– А в чем проблема?

– В совершенстве, Джонс, в немыслимом совершенстве. Вообрази: каждую ночь на подушке разметываются все те же роскошные волосы. Все то же безупречно тонкое лицо искажается все тем же экстазом. Мне стало казаться, что само соитие – некий отрепетированный для киносъемок акт. А вот ты, Джонс, напротив, похожа на таинственную посылку. Этакий местами помятый сверток, что доставили на Рождество. Пусть бумага порвалась и подмокла – ужасно хочется…

– Залезть внутрь. Понимаю. Спасибо, Дэниел. А сейчас я, пожалуй, займусь ловлей такси.

– Джонс, я же комплимент сказать пытался. Кроме того – во?первых, такси нет, а во?вторых, если бы они и были, тебе пришлось бы побороться за машину с пятью сотнями прочих гигантов литературной мысли, каждый из которых, заметь, вооружен бородой и усами.

Я пыталась заказать такси по телефону, но металлический голос неизменно отвечал: «К сожалению, в данный момент все наши операторы заняты. Период ожидания для запрашиваемого района может стать нехарактерно долгим».

– Слушай, Джонс, – заговорил Дэниел. – Я живу отсюда в трех шагах. Давай мы из моей квартиры такси вызовем. Позволь хоть эту малость для тебя сделать.

На моих глазах Энни Пру и Пэт Баркер вскочили в последнее такси, а за ними влез Чон Чхан.

22.30.Квартира Дэниела.

Знакомая. Дизайнерская. С видом на Темзу.

Все номера вызова такси по-прежнему сообщали о «нехарактерно долгом периоде ожидания для запрашиваемого района».

– Ты в курсе – Дарси вернулся? Виделась с ним? – спросил Дэниел, протягивая мне бокал шампанского. – А правда, что его эмоциональное состояние отныне вызывает не просто жалость, а брезгливую жалость? Впрочем, что удивляться? Говорят, парень в зеркале себя не узнает. Пугается каждый раз. Скажи, Джонс, он рыдал после секса? Или он рыдал перед сексом? Или во время секса?

– Ладно, Дэниел, хватит, – оборвала я с возмущением. – Я не за тем пришла, чтобы выслушивать про дурную карму человека, который…

Внезапно Дэниел запечатал мне рот поцелуем. А целовался он здорово, это я помнила.

– Мы не должны… – промямлила я.

– Нет, должны. Знаешь, о чем люди в смертный час больше всего жалеют? Не о том, что мир не спасли, не о том, что пика карьерного роста не достигли. О том, Джонс, что сексом недостаточно занимались.

Вторник, 27 июня

08.00. Моя квартира.

Как психопатка, не свожу глаз с телефона. Не звонят. Ни один, ни другой. Неужели у меня карма такая? На всю оставшуюся жизнь? Неужели мне светит вместе с Марком и Дэниелом пьянеть от хереса в доме престарелых за партией в домино и после беситься, что ни Марк, ни Дэниел не зовут меня играть в «Словодел»?

08.05. Боже! Сколько мне лет? Когда я перестану ждать звонков от сексуальных партнеров, точно результатов экзамена? Сейчас позвоню Шэззер.

08.15. Шэззер категорична:

– С бывшими – не считается.

– То же самое Миранда говорила. Не пойму почему.

– Потому, что ты уже и так отношения про…ла.

– Это в смысле, я с самого начала знаю, что ничего не выйдет?

08.30. Все. К черту мужчин. Отныне я их за милю обхожу.

Глава четвертая

Перименопауза

Три месяца спустя

Воскресенье, 17 сентября

22.00.Моя квартира.

Все ужасно. В смысле, неужели это и впрямь… Нет, не может быть! Звонят! В дверь!

23.00. Ввалились Шэззер, Том и Миранда, все трое совершенно пьяные.

– Дорогая! Ты жива! – завопил Том прямо с порога.

– Что за фигня происходит? – прорычала Шэззер.

– Ты о чем?

– О чем я? О том, что ты все выходные на звонки не отвечаешь, на эсэмэски и мейлы не реагируешь. Ты что, решила игнорировать технический прогресс?

– Постойте! Что это она гуглит?

Я метнулась к лэптопу, который заграбастали дружеские лапы.

– Как вам это нравится? Перименопауза! Время поисков – семь часов! Смотрите, она уже зарегистрировалась на «приливах-точка-ком»!

– Бывает, перименопауза начинается после тридцати пяти, – зачастила я. – В будущем все женщины смогут, поместив яйцеклетки в хранилище, спокойно строить карьеру, а потом, когда надумают рожать, разморозят яйцеклетки в микроволновке, и порядок. Но пока…

– А с чего ты вообще взяла, что у тебя климакс начинается?

Такого вопроса я не ожидала.

– Месячные стали нерегулярными, да? – напирала Шэззер.

Чуть не плача, я кивнула.

– И еще гормональный сбой сказывается на весе. Смотрите, пришлось джинсы на размер больше купить.

И я продемонстрировала надутый живот.

Однако, вместо того чтобы посочувствовать, мои друзья стали как-то многозначительно переглядываться.

– Слушай, Бриджит, – заговорил Том, – я просто подумал… в порядке бреда…

– У тебя ведь хватило ума сделать тест на беременность? – выпалила Шэззер.

Я едва удержала равновесие. Вот не думала, что Шэззер такая жестокая.

– Шэз, я тебе еще когда говорила – я бесплодна. И никакая беременность мне не светит, потому что у меня климакс начинается, и теперь о ребенке можно вообще навечно забыть.

Миранда еле сдерживала смех.

– А помнишь летние приключения с бывшими? Те, которые не считаются? Скажи, Бриджит… Марк, а потом Дэниел презервативами пользовались?

Это уже переходило все границы.

– Конечно! – Я рассердилась не на шутку. – Разумеется, они пользовались презервативами.

В подтверждение я схватила сумочку и вытряхнула целую упаковку презервативов.

– Вот этими самыми.

Упаковка пошла по рукам. Мои друзья смотрели на нее, словно на вещдок.

– Бриджит, – заговорила наконец Шэззер. – Это – экологичные, безопасные для дельфинов презервативы, у которых срок годности истек аж два года назад.

– Подумаешь! – фыркнула я. – Сроки годности нужны, чтобы напугать потребителя и заставить его потреблять еще больше.

– А ты в курсе, чем безопасные для дельфинов презервативы отличаются от обычных? Тем, что они способны к саморазложению, – объяснила Миранда.

– Слушай, Бриджит, – Шэззер поднялась с места, надела и начала застегивать пальто. – Плевать на дельфинов. Где тут ближайшая дежурная аптека?

* * *

Поездка в дежурную аптеку была точно экскурсия на кладбище, где упокоился мой детородный возраст. Вот дерево, на которое Дэниел забросил мои трусы после рождественской вечеринки в издательстве «Пергеймон пресс»; вот на этом углу мы с Марком впервые поцеловались в метели; на этом крыльце Марк Дарси впервые сказал: «Я люблю тебя такой, какая ты есть».

Мы снова у меня дома. Шэззер барабанит в дверь ванной.

– Да не ломись ты! Две минуты еще не прошло!

Громкий шепот Тома:

– А что, если она залетела от обоих и у нее будут близнецы?

– Исключчччено, – пьяно шипит Миранда. – Первая порция спермы блокирует вторую, или как-то так.

– Почему тогда бывают двойни, где один ребенок белый, а второй – черный?

– А это разные яйцеклетки оплодотворились одной ссспер…мой.

Да, не так я представляла этот миг. Мне виделся осовремененный коттедж в Котсуолде – такой, знаете, с бетонными полами и аутентичными коврами; может, даже над интерьером сама Джейд Джаггер поработала. А рядом со мной, конечно, мужчина всей моей жизни – любящий и с квадратным подбородком.

– Бред какой-то. Не могут у женщины быть и черные, и белые яйцеклетки, – буркнула Шэззер.

– А крапчатые? – спросил Том.

Я вышла из ванной.

– У нее тест-полоска!

– Дай сюда.

Шэззер и Том бросились ко мне, выбили из рук тест-полоску. Она, подобно кленовому семечку, несколько раз перевернулась в воздухе и спланировала на ковер. В священном трепете мы склонились над ней. Синяя черточка виднелась более чем отчетливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Цитируется роман «Сыновья и любовники». – Здесь и далее примечания переводчика.

2

Вестминстерская школа – самая престижная из британских привилегированных школ-пансионатов.

3

Автор бесчисленных любовных романов, родилась в 1901 г.

Купить: https://tellnovel.com/helen-filding/rebenok-bridzhit-dzhons-dnevniki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити